

**АНАТОМИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**ДЖОН
ДУГЛАС**

**МАРК
ОЛШЕЙКЕР**

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ

СЕРИЙНОГО

УБИЙЦУ

ИЗ ОПЫТА СОТРУДНИКА ФБР

Анатомия преступлений

Джон Дуглас

**Как определить серийного
убийцу. Из опыта сотрудника ФБР**

«Алисторус»

2016

УДК 82-312.4
ББК 83.3

Дуглас Д.

Как определить серийного убийцу. Из опыта сотрудника ФБР /
Д. Дуглас — «Алисторус», 2016 — (Анатомия преступлений)

ISBN 978-5-906842-46-6

Кто такие серийные убийцы? Как вести их розыск? Что такое бихевиоризм и как он используется в сыском деле? Как правильно составить психологический портрет преступника? Лучше всего об этом может рассказать один из ведущих сотрудников ФБР, создатель уникальной методики поиска преступников по их психологическому портрету Джон Дуглас. Книга, написанная им совместно со знаменитым журналистом Марком Олшейкером, расскажет о том, как устроен мозг серийного убийцы. **ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ИЗ НАС МОГ ИЗБЕЖАТЬ ОПАСНОЙ ВСТЕЧИ!**

УДК 82-312.4

ББК 83.3

ISBN 978-5-906842-46-6

© Дуглас Д., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

От авторов	5
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джон Дуглас, Марк Олшейкер

Как определить серийного убийцу. Из опыта сотрудника ФБР

*...зло встанет все равно,
Хоть в недрах мира будь погребено.*

Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 2.

От авторов

Эта книга – во многом плод совместных усилий, и ее могло бы вовсе не быть, если бы не удивительный талант и увлеченность каждого из участников работавшей над ней команды. Главные из них – наш редактор Лайза Дру и координатор проекта, она же «исполнительный продюсер» (она же жена Марка) Каролин Олшейкер. С самого начала эти женщины прониклись нашей мечтой, отдали ей свои силы, веру, любовь и добрый совет, всячески нас поддерживали и помогали воплотить ее в жизнь. Мы также выражаем глубокую признательность нашей одаренной исследовательнице Энн Хенниган; способной, неутомимой и неунывающей помощнице Лайзы Мэриью Ручи; нашему агенту Джею Эктону, который первым признал важность того, что мы хотели предпринять, и помог в осуществлении планов.

Наша особая благодарность отцу Джона Джеку Дугласу за воспоминания и материалы о карьере сына, так тщательно собранные и так сильно облегчившие нам работу. И отцу Марка Беннету Олшейкеру, доктору медицины, за его советы и рекомендации в области судебной медицины, психиатрии и права. Нам обоим повезло, что у нас такие семьи и что их любовь и великодушные всегда с нами. Наконец, мы хотим выразить признательность и восхищение всем коллегам Джона по Академии ФБР в Квонтико. Это их личные качества и помощь сделали возможным восстановить хронологию событий. И поэтому им посвящается наша книга.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер.

Пролог

Я схожу в Ад

Я, должно быть, сошел в ад.

Таково было единственное логическое объяснение. Меня связали и раздели. Боль становилась невыносимой. Руки и ноги изодрали ножом. Влезли в каждое отверстие в теле. Я задыхался и давился от того, что в горло запихнули кляп. Острые предметы ввели в пенис и прямую кишку, и казалось, что меня разрывают на части. Я обливался потом. И вдруг понял, что происходило: меня до смерти пытали убийцы, насильники и совратители детей, от которых я за время службы избавил общество. И вот теперь я стал их добычей и был не в состоянии сопротивляться. Я знал, как действуют подобные типы – слишком много раз видел это. У них потребность помыкать и глумиться над жертвой. Решать: жить ей или умереть, а если умереть, то каким именно способом. Меня оставят в живых, пока тело способно выносить мучения. Будут приводить в чувство, если потеряю сознание или окажусь на грани смерти. И каждый раз причинять как можно больше боли. Так могло продолжаться многие дни. Они хотели показать, что я в полной их власти и завишу от их милости. И чем больше бы я кричал и чем больше молил об облегчении страданий, тем больше разжигал бы и подхлестывал самые темные стороны их воображения. Им бы доставило истинное удовольствие, если бы я вопил: «Ой, мамочки!» или умолял о пощаде и снисхождении. Такова была расплата за шесть лет моей службы, во время которой я охотился за худшими людьми на земле.

Мое сердце бешено колотилось. Я словно горел в огне. Тело пронзил болезненный укол, когда острую палочку еще глубже продвинули в пенис. Меня сотрясало в конвульсии. Боже, если я все еще жив, пошли мне быструю смерть. А если умер, избавь поскорее от адских мук. Потом я увидел белый ослепительный свет, какой, как рассказывали, бывает в момент смерти. Я ожидал лицезреть Христа или ангелов, или по крайней мере дьявола – об этом я тоже слышал, – но видел один только яркий белый свет. Но вдруг я услышал голос. Успокаивающий, ободряющий голос. Такой умиротворяющий, какого я раньше ни разу не слышал: «Не волнуйся, Джон. Мы тебе поможем».

– Джон, вы меня слышите? Не волнуйтесь, расслабьтесь. Вы в госпитале. Вы очень больны, но мы стараемся вам помочь, – вот что в действительности сказала медицинская сестра. Она не имела ни малейшего представления, слышу я ее или нет, но беспрестанно повторяла успокаивающие слова. Хотя в тот момент я этого не сознавал – я был в коме и находился в реанимационном отделении. Шведской больницы в Сиэтле, где врачи боролись за мою жизнь. От капельниц внутривенного вливания трубки бежали вниз и скрывались в моем теле. Никто не ждал, что я выживу. Только-только наступил декабрь 1983 года, и мне исполнилось тридцать восемь лет.

Вся эта история началась на три недели раньше на другом конце страны. Я был в Нью-Йорке и читал лекцию об определении психологического портрета преступника перед тремястами пятьюдесятью сотрудниками полицейского управления Нью-Йорка и транспортной полиции, полицейских управлений Нассау и Лонг-Айленда. Я говорил об этом сотни раз и мог проделать все на одном автопилоте. Внезапно мой мозг перестал воспринимать окружающее, хотя я сознавал, что продолжаю говорить. Я покрылся холодным потом и спросил себя самого: и как ты думаешь управиться со всеми делами? В то время я заканчивал дело Уэйна Уильямса – убийцы малолетних из Атланты, – и дело о расстрелах чернокожих из оружия двадцать второго калибра (В США принято обозначение калибра в сотых долях дюйма.) в Буффало. Меня вызвали по делу Убийцы с тропы в Сан-Франциско. Я консультировал Скотленд-Ярд в связи с расследованием дела Йоркширского Потрошителя в Англии. Мотался на Аляску и обратно,

работая над делом Роберта Хансена – пекаря из Анкориджа, который подцеплял проституток, заводил в глушь и убивал. На руках еще было дело о поджигателе синагог в Хартфорде, штат Коннектикут. А через неделю предстояло ехать в Сиэтл оказывать помощь оперативной группе в районе Грин-Ривер в деле, которое обещало стать одним из самых многочисленных серийных убийств в истории Америки: нападения совершались главным образом на проститутку и бродяг в зоне между Сиэтлом и Такомой.

В последние шесть лет я разработал новый метод расследования преступлений и был единственным штатным сотрудником подразделения психологической службы – остальные работали главным образом инструкторами. У меня на руках образовалось одновременно полторы сотни активных дел, и я не имел ни одного дублера. Около 125 дней в году меня не видели в моем кабинете в Академии ФБР в Квонтико, штат Виргиния. На меня нещадно жали местные копы, хотя, справедливости ради, надо сказать, что и сами они подвергались немилосердному давлению со стороны общественности и родственников жертв, когда те требовали быстрого раскрытия преступления. К последним, кстати, я относился с большим пониманием. Я пытался распределить работу по степени важности, но новые просьбы сыпались на меня как из рога изобилия. Помощники в Квонтико смеялись и говорили, что я стал похож на шлюху – что бы ни предлагали, я не мог ответить «нет». На лекции в Нью-Йорке я говорил о психологических типах личности преступников, но мои мысли витали далеко – в Сиэтле. Не все в тамошней оперативной группе приняли меня с распростертыми объятиями. Каждый раз, когда в большом деле требовалась моя помощь, приходилось «продавать» свои методы с умом, потому что многие копы и чины из Бюро воспринимали их почти как колдовство. Нужно было выглядеть убедительным, но ни в коем случае не самоуверенным или заносчивым. Дать понять, что полицейские – профессионалы и трудяги, и в то же время уговорить принять мою помощь. Самое обескураживающее было то, что в отличие от традиционных агентов ФБР, которые действовали по принципу «только факты, мэм», я имел дело с мнениями. Я жил с постоянным сознанием, что если ошибусь, то уведу расследование от цели и в результате появятся новые жертвы. И к тому же поставлю под удар программу разработки методов определения психологического портрета преступника – дело, которое я всеми силами пытался поставить на ноги.

Прибавьте сюда перелеты: несколько раз я уже мотался на Аляску – пересекал четыре временные зоны, прыгал из самолета в самолет, до боли сжимая кулаки, несся на бреющем над самой водой и садился в кромешной тьме. И едва переговорив с местной полицией, летел в Сиэтл.

Блуждание мыслей продолжалось с минуту. Потом я сказал себе: «Эй, Дуглас, соберись! Возьми себя в руки!» И сумел побороть дурноту. Думаю, аудитория так ничего и не заметила. Но сам я не мог избавиться от предчувствия, что со мной должно произойти нечто трагическое.

Ощущение это осталось и когда я вернулся к себе в кабинет в Квонтико. И тогда я застраховал на дополнительную сумму жизнь и доходы, на случай если окажусь нетрудоспособным. Не могу сказать, почему я так поступил – кроме чувства страха для этого не было никакого реального повода. Я был измотан и пил, пожалуй, больше, чем требовалось, чтобы справиться со стрессом. Просыпался ночью от телефонного звонка, потому что кому-то срочно требовалась моя помощь. А прежде чем снова заснуть, надеясь на внутреннее прозрение, заставлял себя думать о деле. Теперь мне понятно, к чему вел такой образ жизни, но тогда я не мог его изменить. Перед тем как отправиться в аэропорт, я заехал в начальную школу, где моя жена Пэм учила читать умственно отсталых детей, и рассказал о дополнительной страховке.

– Почему ты мне об этом говоришь? – она озабоченно посмотрела на меня. В правом виске я чувствовал жесточайшую боль, и она заметила, что мои глаза покраснели и взгляд был каким-то странным.

– Просто хочу, чтобы ты узнала, прежде чем я уеду, – ответил я. Тогда у нас уже было две дочери: старшей, Эрике, исполнилось восемь, а Лорен – три.

С собой в Сиэтл я взял двух новых специальных агентов – Блейна Мак-Илвейна и Рона Уолкера, – чтобы на месте сразу ввести их в курс дела. Мы расположились в отеле «Хилтон», и, распаковывая вещи, я заметил, что не хватает одного черного ботинка: то ли я забыл его дома, то ли как-то умудрился потерять по дороге. На следующее утро я должен был представляться в управлении полиции округа Кинг и решил, что без черных ботинок сделать это никак не могу. Я всегда был немного помешан на одежде, а от усталости совершенно заикнулся на мысли, что к моему костюму необходимы черные ботинки. Я выскочил из отеля и рыскал по улицам до тех пор, пока не наткнулся на открытый обувной магазин. Потом вернулся в номер, еще больше измотанный, но с парой сносных черных ботинок. На следующее утро я познакомился с местной полицией и группой, включавшей представителей порта Сиэтл и двух психологов, которые помогали расследованию. Каждый живо интересовался моей моделью личности преступника – или преступников, их ведь могло быть и несколько, – желая узнать, что это за тип. Я был совершенно уверен в своем описании, но был точно так же уверен и в том, что под него подошло бы немало людей. Очень важно, подчеркивал я, раз убийства не прекращаются, предпринять активные меры: совместные усилия полиции и средств массовой информации должны загнать преступника в ловушку. Полиции, например, хорошо бы организовать в разных районах собрания, на которых станут обсуждать преступления. Я был совершенно уверен, что убийца объявится на нескольких или на одном из них. Кстати, это помогло бы ответить на вопрос: действует ли преступник в одиночку или их несколько. Еще я хотел предложить полиции сообщить прессе, что во время одного из похищений на месте преступления оказались свидетели. Я чувствовал, что это может вызвать убийцу на ответную активность и заставить вылезти с объяснениями, почему он, невинный, оказался поблизости. В одном я был совершенно уверен: кто бы ни стоял за убийствами, добровольно «завязывать» он не собирался. Потом я давал советы, как допрашивать потенциальных подозреваемых – и тех, кого местные полицейские «наработали» сами, и тех жалких придурков, которые неизбежно всплывали в подобных случаях. Остаток вечера мы с Мак-Илвейном и Уолкером и так и этак обмозговывали дело, и в отель я вернулся совершенно выжатым.

За выпивкой в баре, где мы пытались стряхнуть с себя усталость дня, я сказал Рону и Блейну, что чувствую себя неважно. Голова все еще болела, и я подумал, что подхватил грипп. Я попросил их на следующий день прикрыть меня и поработать вдвоем, решив, что будет лучше, если проведу день в постели. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и, простившись с помощниками до пятницы, я повесил на дверь табличку «Не беспокоить».

Последнее, что я запомнил, это то, как в ужасном состоянии сел на кровать и начал раздеваться. В четверг мои помощники отправились в окружной суд округа Кинг работать по составленному мною накануне плану. И давая мне отлежаться, как я и просил, меня не тревожили. Забеспокоились они только тогда, когда в пятницу утром я не появился к завтраку. Постучали в дверь и не получили ответа. Постучали еще. Тишина. Вот тогда они встревожились не на шутку. Спустились к конторке и попросили у портъе запасной ключ. Но когда открыли замок, заметили, что из-за накинутаго цепочки войти все равно не удастся. Но тут услышали изнутри тихие стоны и немедля выбили дверь. Меня нашли на полу, как позже описали мои помощники, в «лягушачьей позе», наполовину раздетого. Было ясно, что я пытался доползти до телефона. Левая часть тела подергивалась, и Блейн сказал, что я весь пылал.

Из отеля позвонили в Шведский госпиталь, и оттуда немедленно выслали машину. А Блейн и Рой между тем сообщали в реанимационное отделение мои симптомы: температура 41 градус, пульс 220. Левая часть тела у меня была парализована, и конвульсии не прекращались, пока меня везли в «скорой помощи». Медицинское описание зафиксировало «остекленевшие глаза» – открытые, устремленные в одну точку, но ни на чем не сфокусированные. Как только мы прибыли в госпиталь, меня обложили льдом и, чтобы унять конвульсии, ввели внутривенно

колоссальные дозы фенобарбитала. Блейну и Рону врач сказал, что их хватило бы, чтобы усыпить весь Сиэтл.

Он также сказал, что, несмотря на все усилия, я, скорее всего, умру. Томографическое сканирование мозга показало, что высокая температура вызвала перфорацию сосудов и обширное кровоизлияние в правом полушарии.

– Проще говоря, – объяснил агентам врач, – его мозг изжарился до хрустящей корочки. Это было 2 декабря 1983 года. Накануне вступила в силу моя новая страховка. Начальник отдела Роджер Депью сам приехал в школу к Пэм, чтобы сообщить печальную новость. И жена с моим отцом вылетели в Сиэтл, оставив девочек на попечение моей матери. Двое агентов из местного отделения ФБР, Рик Мэттерс и Джон Байнер, встретили их в аэропорту и отвезли прямо в госпиталь. И там врачи им открыли, насколько серьезно мое положение. Они старались подготовить Пэм к моей смерти и предупредили, что, если даже я выживу, все равно, скорее всего, останусь слепым и парализованным. Будучи католичкой, жена пригласила священника, но когда тот узнал, что я пресвитерианин, то отказался свершать обряд. Блейн и Рон выставили его за дверь и нашли другого, который ломался меньше, и попросили за меня помолиться. Я находился в коме – между жизнью и смертью.

По правилам реанимационного отделения посещать меня могли только близкие. И коллеги из Квонтико, Рик Мэттерс и сотрудники местного отделения сразу же превратились в моих родственников.

– У вас большая семья, – ехидно заметила Пэм одна из сестер.

Но мысль о «большой семье» не стоило воспринимать только как шутку. В Квонтико Билл Хэгмейер из научной психологической службы и Том Коламбелл из Национальной академии организовали сбор средств, чтобы Пэм и отец могли оставаться со мной в Сиэтле. Вскоре деньги стали поступать от офицеров полиции со всей страны. Между тем делались необходимые приготовления для перевозки моего тела в Виргинию и захоронения на воинском кладбище в Квонтико. Ближе к концу недели Пэм, отец, оба агента и священник встали у моей постели в кружок, соединили ладони, взяли мои руки в свои и стали молиться. И к ночи я вышел из комы.

Помню, я очень удивился, увидев Пэм и отца, и никак не мог сообразить, где нахожусь. Сначала язык меня совершенно не слушался, левая сторона лица безвольно отвисла, левая часть тела оставалась парализованной. Но постепенно речь начала возвращаться, хотя и оставалась неразборчивой. Я смог пошевелить ногой, движения все больше восстанавливались. От трубки жизнеобеспечения саднило в горле. Мне прекратили давать фенобарбитал, но, чтобы не возобновились конвульсии, перевели на дилантин. И после многочисленных анализов, томограмм и похлопываний по позвоночнику поставили клинический диагноз: вирусный энцефалит, осложненный стрессом и общим ослаблением организма. Мне повезло, что я остался в живых. Но выздоровление шло тяжело и приносило много разочарований. У меня возникли проблемы с памятью. Чтобы помочь вспомнить фамилию лечащего врача доктора Сигала, Пэм принесла укрепленную на пробковой подставке морскую раковину, на которой был вырезан силуэт чайки. И когда в следующий раз врач решил проверить мои умственные возможности и спросил, как его зовут, я тут же вспомнил и пробормотал:

– Доктор Сигал.

Несмотря на теплую поддержку, восстановительный процесс изнурял. Мне ведь никогда не сиделось на месте, да и размышлять о чем-нибудь не торопясь, я не любил. Желая приободрить меня, позвонил директор ФБР Уильям Уэбстер, и я сказал ему, что теперь вряд ли смогу когда-нибудь стрелять.

– Об этом можете не волноваться, Джон, – ответил он. – Мы вас держим за ваши мозги.

Я промолчал и не выдал своего опасения, что их-то у меня как раз осталось немного. Наконец я покинул Шведский госпиталь и за два дня до Рождества приехал домой. Перед отъ-

ездом я зашел в реанимационное отделение и поблагодарил врачей за то, что они спасли мне жизнь. Роджер Депью подхватил нас в Далласском аэропорту и отвез домой в Фредериксберг, где у дверей развевался американский флаг и висел огромный транспарант: «Добро пожаловать, Джон!» Я похудел со 190 до 165 фунтов, и когда дочери увидели меня в таком виде в кресле-каталке, то до смерти перепугались и еще долго не хотели отпускать в командировки.

Рождество мы встретили невесело: я виделся с очень немногими – Роном Уолкером, Блейном Мак-Илвейном, Биллом Хэгмейером и еще одним агентом из Квонтико Джимом Хорном. Я встал с кресла-каталки, но передвигался еще с трудом и не мог свободно поддерживать разговор. Заметил, что сделался плаксивым, да и память частенько меня подводила. Когда Пэм или отец возили меня по Фредериксбергу, я смотрел на какое-нибудь здание и не узнавал, словно его только что построили. Я очень походил на людей, у которых недавно случился удар, и меня не могло не беспокоить, сумею ли я снова работать.

А думая о Бюро, я неизменно испытывал горечь из-за того, в какое меня поставили положение. Еще в феврале прошлого года я обратился к помощнику директора Джиму Мак-Кензи с жалобой на то, что один не справляюсь с работой, и просил кого-нибудь в помощь. Мак-Кензи посочувствовал, но проявил себя реалистом:

– Вы же знаете нашу организацию, – заявил он.

– Нужно работать до упаду, прежде чем тебя оценят.

Я не только не ощущал поддержки, но и не чувствовал никакого признания. Напротив, выложившись в Атланте в прошлом году во время расследования убийств детей, заработал официальный выговор за появившуюся сразу после ареста Уэйна Уильямса статью, которую опубликовала газета из города Ньюпорт-Ньюс, штат Виргиния. Когда репортер спросил, что я думаю о подозреваемом, я ответил, что считаю его «вполне подходящим» и не только для нынешнего, но и для ряда других дел. И хотя ФБР само просило дать корреспонденту интервью, впоследствии было заявлено, что я говорил о деле не должным образом. Тем более, напомнили мне, что пару месяцев назад меня уже предупреждали перед интервью журналу «Пипл». Это было типичным проявлением государственной бюрократии. Меня потянули в Отдел профессиональной ответственности со штаб-квартирой в Вашингтоне и через полгода бюрократических вывертов объявили выговор. А через некоторое время я получил за это дело благодарность, и она стала признанием Бюро моей помощи в раскрытии преступления, которое пресса позже назовет «преступлением века».

То, чем занимается стоящий на страже закона офицер, вряд ли может явиться темой милых бесед даже с собственной женой. Если целыми днями видишь мертвые изуродованные, особенно детские, тела – это вовсе не то, что хочется нести с собой домой. И за обедом небрежно не бросишь: «У меня сегодня случилось такое интересное убийство на сексуальной почве. Сейчас я вам расскажу...» Вот почему копов нередко тянет к медицинским сестрам и наоборот: работа тех и других имеет в себе что-то общее.

И все же частенько, прогуливаясь с детьми в парке или по лесу, я останавливался на чем-то взгляд думал про себя: «Это место похоже на то, где мы нашли убитого восьмилетнего ребенка». Из-за всего того, что мне довелось увидеть, я, с одной стороны, беспокоился за безопасность своих маленьких дочурок, но, с другой, с трудом мог сочувствовать их мелким, но реальным обидам и горестям детства. Если я приходил домой и Пэм говорила, что одна из девочек упала с велосипеда и ей пришлось наложить шов, в мозгу моментально вспыхивала картина вскрытия, когда врачу приходилось зашивать раны ее ровеснице, чтобы приготовить тело к похоронам. У Пэм был свой круг друзей – людей, связанных с местной политикой, которые меня совершенно не интересовали. И из-за моих командировок жене пришлось взять на себя львиную долю заботы о детях, оплату счетов и ведение хозяйства. Это была одна из многих проблем в нашем браке, и, по крайней мере, старшая, Эрика, чувствовала трения в семье. Я так и не смог отделаться от обиды на Бюро за то, что со мной приключилось. При-

мерно через месяц после возвращения домой я жег листья на заднем дворе. Вдруг, повинувшись внезапному импульсу, бросился внутрь, собрал все психологические портреты преступников, которые обнаружил в доме, и все написанные мною статьи и бросил в костер. И, избавившись от всего этого, ощутил нечто вроде катарсиса.

А когда я начал вновь водить машину, то поехал на Национальное кладбище Квонтико посмотреть на могилу, где должен был лежать. На надгробиях помечались даты смерти и, умри я 1 или 2 декабря, то получил бы незавидное место – рядом с заколотой прямо на улице недалеко от моего дома молоденькой девушкой. Я работал над этим делом, но убийство до сих пор оставалось нераскрытым. Стоя у могилы, я припомнил, сколько раз советовал полиции устанавливать наблюдение за местами захоронений жертв, считая, что убийца может появиться рядом. Было бы смешно, если бы меня засекли и внесли в список подозреваемых.

Четыре месяца спустя после приступа в Сиэтле я все еще находился в отпуске по болезни. Из-за долгого неподвижного лежания в постели появились осложнения – в ногах и легких образовались тромбы и каждый день давался мне с трудом. Я по-прежнему не знал, смогу ли достаточно окрепнуть, чтобы вернуться на службу, и хватит ли мне для этого уверенности в себе. Тем временем Рой Хэйзелвуд из инструкторской службы Научного психологического подразделения взял на себя двойную нагрузку и принял мои дела.

Впервые после болезни я наведаясь в Квонтико в апреле 1984 года – прочитать лекцию пятидесяти офицерам ФБР, которые занимались разработкой психологического портрета преступника на местах. Я вошел в аудиторию в тапочках, потому что в распухших ступнях еще не рассосались тромбы, и агенты со всей страны встретили меня бурной овацией. Реакция была произвольной и искренней: эти люди лучше других понимали, чем я занимался и что хотел создать в Бюро. И впервые за долгое время я почувствовал, что меня ценят. И еще я ощутил, что вернулся домой.

Через месяц я вышел на работу.

Глава 1

Изнутри сознания убийцы

Ставь себя на место охотника.

Именно это я должен делать. Точно как в фильме о жизни природы: лев на равнине Серенгети в Африке замечает огромное стадо антилоп на водопое. Но каким-то образом – мы прекрасно это видим по его глазам – он высматривает из тысяч одно-единственное животное. Лев воспитывает в себе чутье к слабости, уязвимости, необычности, отличающей какую-то антилопу от всего остального стада и делающей ее желанной добычей.

Так и с некоторыми людьми. Если бы я был одним из них, то целыми днями занимался бы охотой, высматривая потенциальную жертву. Скажем, забрел бы в торговые ряды, куда приходят за покупками тысячи людей. Там зашел бы в салон видеоигр, где развлекаются с полсотни детей. Я должен быть охотником. Я должен быть психологом, чтобы представить портрет своей будущей жертвы. Понять, какой ребенок из пятидесяти уязвим. Замечать, как он одет. Учиться расшифровывать бессловесные сигналы, которые он мне посылает. И все это за долю секунды. Я должен быть прекрасно натренирован. Как только я сделал свой выбор, нужно решить, каким образом вывести потихоньку ребенка из магазина – не вызвав подозрений и, не дай бог, шума, – ведь родители могут оказаться в двух секциях отсюда. Ошибки я позволить себе не могу. Азарт охоты подхлестывает этих людей. Если бы в критический момент снять с их кожи гальванический показатель реакции, думаю, он оказался бы таким же, как у льва в саванне. И неважно, говорим ли мы о тех, кто охотится за детьми, молоденькими девушками, стариками или проститутками, или не имеет особых пристрастий, – в каких-то отношениях все они одинаковы.

Но именно то, чем они друг от друга отличаются, ключи к их неповторимой индивидуальности дают нам в руки новое оружие, с помощью которого мы можем объяснить некоторые виды тяжких преступлений, выследить, арестовать и наказать совершивших их людей. Большую часть своей профессиональной карьеры в качестве специального агента ФБР я занимался разработкой такого оружия. И именно об этом настоящая книга. От начала цивилизации каждый раз, когда совершались особенно ужасные преступления, люди задавались важным и жгучим вопросом: кто на такое способен? Ответ на него пытается дать Исследовательское подразделение поддержки ФБР, где проводится анализ места преступления и создается психологический портрет убийцы.

Поведение отражает личность. Не всегда просто и совсем неприятно ставить себя на место преступника и влезать в его мозги. Но именно это должны делать я и мои люди. Стараться почувствовать, каков он на самом деле. Все, что мы видим на месте преступления, несет информацию о «неизвестном субъекте» – НЕСУБ на полицейском жаргоне, – который его совершил. Изучая обстоятельства множества преступлений, обсуждая их с экспертами и самими преступниками, мы научились объяснять малейшие ключи таким же образом, как врач на основании симптомов ставит диагноз заболевания или оценивает состояние организма. Он узнает симптомы, потому что они встречались и прежде. Так и мы начинаем делать выводы, когда проявляется определенная схема.

В начале 80-х годов я много опрашивал для наших исследований заключенных преступников. И как-то сидел среди осужденных в старинной каменной готической государственной Мерилендской тюрьме в Балтиморе. Каждый из них представлял собой интересный в своем роде случай: убийца полицейского, убийца ребенка, торговцы наркотиками, вымогатели, но мне требовалось выяснить *modus operandi* (МО Способ действия (лат.)) насильника-убийцы, и я спросил, нет ли такого в тюрьме, с кем я мог бы поговорить.

– Чарли Дэвис, – вспомнил один из заключенных, но остальные покачали головами: врят ли он станет откровенничать с федералом. Кто-то отправился поискать его на тюремном дворе. К удивлению присутствующих, через несколько минут Дэвис явился – скорее из любопытства или от скуки, чем по другим причинам. В нашей работе нас выручало то, что у заключенных было полно времени и, как правило, они не знали, чем заняться. Обычно, когда мы проводим опрос в тюрьме – и это с самого начала доказало свою правоту, – мы стараемся узнать заранее как можно больше о нашем подопечном. Мы просматриваем полицейские досье, фотографии с места преступления, протоколы вскрытия и судебного заседания – все, что может пролить свет на личность преступника и мотивы преступления. Таким образом, преступник лишается возможности играть себе на руку или просто потешаться над вами. Но в данном случае я никак не готовился и решил попробовать воспользоваться именно этим.

Дэвис оказался огромным неуклюжим детиной лет тридцати с небольшим, ростом в шесть футов и пять дюймов. Он был чисто выбрит и опрятно одет.

– Я в невыгодном положении, Чарли, – начал я.

– Даже не знаю, что ты натворил.

– Убил пять человек, – ответил заключенный.

Я попросил его описать места преступлений и рассказать, что он делал с жертвами. Оказалось, что неполный рабочий день Дэвис служил водителем на «скорой помощи». Он задушил женщину, положил ее у дороги, там, где обычно ездил, сделал анонимный звонок, сам на него ответил и подобрал тело. Когда он клал задушенную на носилки, никто не мог и подумать, что убийца рядом. Дэвиса воодушевляло собственное самообладание, а подготовка преступления щекотала нервы. Любые сведения, проливающие свет на способ совершения преступления, всегда оказывались крайне полезными для нас.

– Способ убийства – удушение – подсказал мне, что Дэвис – спонтанный убийца, а изначально у него на уме было изнасилование.

– Да ты настоящий фанат полицейских, – заявил я ему. – И сам не прочь стать копом, чтобы помыкать другими, а не быть на посылках, что явно ниже твоих способностей.

Дэвис рассмеялся и признался, что его отец был лейтенантом полиции.

Я попросил его описать МО. Он обычно следовал за симпатичной молодой женщиной и замечал, что она оставляла машину на стоянке, скажем, у ресторана. Через отца устраивал проверку номерного знака. А когда выяснял фамилию владелицы, звонил в ресторан и, позвав намеченную жертву к телефону, говорил, что она забыла выключить фары. Когда та выходила на стоянку, набрасывался, запихивал в свою или ее машину, надевал на нее наручники и уезжал. Дэвис подробно, почти смакуя, рассказывал о каждом из пяти убийств. Вспоминая о пятом, он признался, что изнасиловал жертву на переднем сиденье – деталь, о которой он упоминал впервые.

В этот момент я его перебил:

– А теперь, Чарли, я сам расскажу кое-что о тебе. У тебя были проблемы в отношениях с женщинами. Ты сильно нуждался в деньгах, когда убил в первый раз. Тебе было под тридцать. Ты знал, что твои способности выше той работы, которую ты выполнял. Так что жизнь была для тебя сплошным разочарованием.

Он сидел и кивал головой. Давай, мол, давай. Пока ничего гениального я не произнес и предположить все это не составляло никакого труда.

– Ты сильно пил, – продолжал я. – Занимал деньги. Поколачивал женщину, с которой жил (он не говорил мне, что с кем-нибудь жил, но я чувствовал, что моя догадка верна). А по вечерам, когда становилось совсем невмоготу, выходил на охоту. Со своей подружкой ты разделаться не решался, так что приходилось искать, на ком вымещать обиду.

Я заметил, как красноречиво изменилась его поза, и, опираясь на скудную информацию, продолжал:

– Но последнее убийство было куда менее жестоким. Жертва сильно отличалась от остальных. И после того как ты ее изнасиловал, ты позволил ей одеться. Накрыл голову. И в отличие от других случаев не радовался тому, что совершил.

Когда к тебе начинают прислушиваться, значит, в твоих словах что-то есть. Я вынес это из разговоров в тюрьмах и умел использовать при опросах заключенных. И теперь видел, что полностью завладел вниманием Дэвиса.

– Она сказала тебе нечто такое, от чего тебе не захотелось ее убивать, но ты все равно убил. Внезапно Дэвис стал красным как свекла и, казалось, впал в транс. Я мог свободно читать его мысли: он снова видел картину убийства. Немного поколебавшись, он признался, что женщина заговорила о муже – сказала, что тот очень болен, может быть, даже умирает, и она о нем сильно беспокоится. Не исключено, что с ее стороны это было уловкой, а может, и нет – этого я не знал. Но совершенно очевидно, что ее слова подействовали на Дэвиса.

– Я же не прятал лица. Она меня видела. Я был вынужден ее убить.

Несколько секунд я хранил молчание, потом заговорил снова:

– Ты ведь у нее что-то взял?

Дэвис опять кивнул и рассказал, что залез к женщине в кошелек и достал из него фотографию, на которой она была изображена с мужем и ребенком во время празднования Рождества.

До этого разговора я Дэвиса никогда не встречал, но теперь у меня в голове стало складываться о нем представление.

– Ты и на кладбище ходил, Чарли?

Дэвис вспыхнул, и это убедило меня, что он следил за газетами и знал, где похоронена жертва.

– Ты пошел, потому что после последнего убийства тебе сделалось тошно. Что-то принес с собой и положил на могилу.

Остальные заключенные замерли и слушали разинув рты.

– Ты что-то принес с собой на кладбище. Что это было, Чарли? Та фотография?

Он снова кивнул и уронил голову на грудь. Я не творил волшебства и «не извлекал из цилиндра кролика», как могли решить заключенные. Я только строил догадки, но они основывались на определенных знаниях, поисках и опыте, который накопился у меня и моих коллег и который мы постоянно продолжали пополнять. Например, мы выяснили, что старинный стереотип, согласно которому убийцу должно тянуть на могилу жертвы, очень часто подтверждается на практике, хотя преступник приходит туда совсем не по тем причинам, о которых мы думали раньше. Поведение отражает личность.

Наша работа необходима еще и по той причине, что природа тяжких преступлений постоянно меняется. Мы хорошо изучили преступления, связанные с распространением наркотиков, захлестнувшие, точно эпидемия чумы, большинство наших городов, преступления с применением огнестрельного оружия, ставшие повседневным явлением и позором нации. Но раньше участниками таких преступлений становились, как правило, люди так или иначе друг друга знавшие. Теперь картина выглядела иной. Еще в начале 60-х годов раскрываемость убийств в США составляла намного больше 90 %. Сегодня изменилось и это положение. Несмотря на впечатляющее развитие науки и технологии, на наступление компьютерной эры, а также на возросшее число полицейских, подготовленных и экипированных несравненно лучше, чем раньше, процент убийств растет, а процент раскрываемости падает. Больше и больше преступлений совершается против незнакомых людей «чужаками». Во многих случаях отсутствуют мотивы, с которыми можно было бы работать, или, по крайней мере, мотивы явные, «логические».

Традиционно убийства и другие тяжкие преступления были достаточно понятны правоохранительным органам. Они происходили из чрезмерного проявления таких чувств, которые

может испытывать каждый из нас: гнева, жадности, ревности, жажды наживы и мести. Считалось, что, если справиться с эмоциями, прекратится разгул преступлений. Кто-то, безусловно, погибал бы, но полиция обычно знала, кого искать и за что.

Но в последние годы проявился новый тип преступлений – серийный. Преступник чаще всего не останавливается до тех пор, пока его не поймают. И от убийства к убийству набирается опыта, совершенствуя свои методы и усложняя сценарий. Я специально употребил слово «проявился», потому что до какой-то степени он существовал и раньше – с 80-х годов прошлого века, когда в Лондоне орудовал Джек Потрошитель, первый серийный убийца в мире. И я специально сказал «преступник», поскольку по причинам, которые мы будем рассматривать далее, почти все серийные преступления совершаются мужчинами. Серийный убийца – явление, по всей видимости, гораздо более старое, чем мы привыкли думать. Возможно, доходящие до нас рассказы и легенды о ведьмах, оборотнях и вампирах – это всего лишь попытка выразить ужас, который жители небольших, изолированных городков Европы и прежней Америки испытывали перед извращениями, считающимися теперь чуть ли не чем-то само собой разумеющимся. Монстры могли быть только существами сверхъестественными и поэтому никоим образом не должны походить на нас.

Серийные убийцы и насильники гораздо сильнее обычных преступников сбивают с толку и будоражат умы, и их намного труднее поймать. Отчасти потому, что их действия мотивируются более сложным комплексом факторов. От этого их образ становится расплывчатым – они как бы не подвластны естественным чувствам, и невозможно ни сострадать им, ни винить и упрекать их.

Иногда единственный способ их поймать – научиться думать, как они. Пусть читатель не ждет, что в этой книге я собираюсь выдавать тщательно оберегаемые секреты методики расследования и предоставлять их в руки потенциальных убийц. Я хочу рассказать, как мы развивали поведенческий подход к созданию портрета преступника, анализу преступления и стратегии расследования. Даже если бы я пожелал, никаких секретов я бы выдать не смог: хотя бы потому, что лучшим агентам с опытом, чтобы попасть в мое подразделение, приходится проходить двухгодичную подготовку. И еще потому, что, сколько бы преступник ни прятался, воображая, что знает нашу методику, сколько бы ни пытался сбить с толку, этим самым он лишь дает в наши руки лишние поведенческие ключи.

Много десятилетий назад сэр Артур Конан Доил вложил в уста Шерлока Холмса фразу: «Исключительность неизбежно дает нам ключ. Чем бесцветнее и обыденнее преступление, тем труднее его раскрыть». Другими словами, чем многочисленнее поведенческие нюансы, тем детальнее психологический портрет убийцы и анализ преступления, который мы предоставляем местной полиции. А чем детальнее портрет, тем меньше подозреваемых, а значит – больше времени на поиски настоящего преступника. В связи с этим, сразу хочу сделать еще одно замечание: Исследовательское подразделение поддержки, которое является частью Национального центра анализа особо опасных преступлений ФБР в Квонтико, не ловит преступников. Повторю еще раз: мы не ловим преступников. Этим занимается местная полиция и, учитывая, какое колоссальное давление она испытывает, в большинстве случаев делает свою работу чертовски хорошо. Мы же стараемся ей помочь, направляя расследование в нужную сторону и предлагая активные меры, способные выявить преступника. А когда его ловят – я снова подчеркиваю: полицейские, а не мы, – вырабатываем основные подходы и приемы, которые на процессе позволяют прокурору в полной мере раскрыть истинную личность подсудимого.

Мы имеем такую возможность благодаря исследовательской работе и накопленному специальному опыту. Ведь если, например, какое-нибудь полицейское управление, скажем, на Среднем Западе впервые сталкивается с серийным убийством, то мы занимались сотнями, если не тысячами подобных преступлений.

Я всегда учу своих агентов: «Если хотите понять художника, смотрите на его картины». За годы работы мы видели множество таких «картин» и бесчисленное количество раз разговаривали с самыми маститыми «художниками». Мы методично разворачивали работу Научной психологической службы, которая в конце 70-х-начале 80-х годов превратилась в Исследовательское подразделение поддержки ФБР. И хотя большинство книг вроде романа Тома Харриса «Молчание ягнят» в погоне за драматическим эффектом приукрашивают и безмерно превозносят нашу работу, своих предшественников мы действительно находим скорее в литературе, чем в криминалистической фактографии. Так, первым создателем психологического портрета преступника можно считать героя написанного в 1841 году классического рассказа Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг» сыщика-любителя Ш. Огюста Дюпена. А сам рассказ – примером использования активного метода для выявления личности неизвестного преступника и оправдания посаженного в тюрьму невиновного.

Как и сотрудники моего подразделения, только на полтора столетия раньше, По осознал значение психологического портрета, когда одних судебных улик оказалось недостаточно для раскрытия особенно жестокого и, на первый взгляд, немотивированного преступления. «За отсутствием других возможностей, – писал По, – аналитик старается проникнуть в мысли противника, поставить себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до нелепости простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или толкнуть на ошибку».

Есть и еще небольшое сходство, которое все же стоит упомянуть: месье Дюпен предпочитал работать в одиночку, затворив в комнате окна и плотно задернув шторы от солнца и внешнего мира. А у меня и моих коллег просто нет другого выбора. Наши кабинеты находятся в здании Академии ФБР в Квонтико на несколько этажей под землей – в помещениях без окон, которые изначально предназначались для штаба чинов правоохранительных органов на случай общенациональной тревоги. Мы шутливо зовем их Национальным подвалом аналитиков по раскрытию особо опасных преступлений. В шестидесяти футах под поверхностью земли мы зарыты глубже любого мертвеца. Покров с метода разработки психологического портрета приоткрыл и английский писатель Уилки Коллинз в своих новаторских романах «Женщина в белом» и «Лунный камень». Но в полном объеме на фоне залитого газовым светом мрачного викторианского Лондона показал его миру сэр Артур Конан Доил в своем незабвенном творении о Шерлоке Холмсе. Каждому из нас хотелось бы, чтобы его сравнивали с этим литературным персонажем. И я был искренне горд, когда во время расследования убийства в Миссури сент-луисская газета «Глоуб-демократ» назвала меня в заголовке «современным Шерлоком Холмсом из ФБР».

Интересно отметить, что в то время, как Холмс расследовал запутанные, головоломные дела, в лондонском Ист-Энде, убивая проститутку, орудовал Джек Потрошитель. Эти два совершенно противоположных характера, два человека, стоящие по разные стороны закона и по разные стороны пролегающей между реальностью и воображением границы, настолько завладели сознанием людей, что современные почитатели Конана Доила в байках о Шерлоке Холмсе заставляют великого сыщика расследовать нерешенное дело об убийствах в Уайтчепеле. В 1988 году меня попросили проанализировать совершенные Потрошителем убийства, и в этой книге я приведу свои выводы о самом знаменитом НЕСУБ – «неизвестном субъекте».

Только спустя более ста лет после «Убийства на улице Морг» Эдгара По и через полстолетия после Шерлока Холмса метод психологического портрета шагнул с литературных страниц в реальную жизнь. В середине 50-х годов Нью-Йорк сотрясала от грохота бомб Сумасшедшего Бомбиста, у которого за пятнадцать лет на совести, как известно, более тридцати взрывов. Он выбирал людные места: такие, как универмаг Грэнд Сентрал, вокзал в Пенсильвании, Рейдио-сити-мьюзик-холл. Еще ребенком в Бруклине я хорошо запомнил это дело. В 1957 году полиция додумалась привлечь психиатра из Гринич-виллидж доктора Джеймса

А. Брассела, который тщательно проанализировал фотографии с мест взрывов и бахвальные письма Бомбиста в газеты. Его общий поведенческий тип позволил психиатру сделать множество детальных выводов, среди которых отмечалось, что преступник является параноиком, ненавидит отца, обожает мать и проживает в одном из городов штата Коннектикут. В заключение своего письменного портрета Брассел рекомендовал полиции «искать грузного человека среднего возраста, родившегося за рубежом, римско-католического вероисповедания, неженатого, проживающего с братом или сестрой. Во время ареста, с большой степенью вероятности, будет одет в двубортный, застегнутый на все пуговицы костюм».

Намеки в письмах позволяли судить, что Бомбист является обиженным бывшим или настоящим работником «Консолидейтед Эдисон» – городской электрической компании. Руководствуясь портретом, полиция проштудировала списки ее сотрудников и выявила некоего Джорджа Мететски, который работал в «Кон-Эд» в 40-х годах, до того, как начались взрывы. Когда полиция прибыла в город Уотербери в штате Коннектикут, чтобы произвести арест грузного человека среднего возраста, родившегося за рубежом, римско-католического вероисповедания, обнаружилось, что единственным расхождением с портретом было то, что он жил не с братом или сестрой, а с двумя незамужними сестрами. Полицейские попросили его одеться, чтобы препроводить на станцию, и через несколько минут он появился из спальни в двубортном, застегнутом на все пуговицы костюме. Объясняя, как ему удалось достигнуть безукоризненно точных результатов, доктор Брассел подчеркивал, что обычно психиатр сначала исследует больного, а затем старается с достаточной достоверностью предсказать, как тот будет реагировать на какую-то определенную ситуацию. Конструируя портрет преступника, Брассел обратил этот процесс вспять и по свидетельствам поступков представил личность.

Теперь, через сорок лет, бросая ретроспективный взгляд на дело Сумасшедшего Бомбиста, нам кажется, что раскрыть его не составляло труда. Но в то время работа доктора Брассела явилась настоящей вехой на пути становления бихевиаристического направления в расследовании преступлений, а сам психиатр, позднее сотрудничавший с управлением бостонской полиции по делу Бостонского Душителя, стал настоящим пионером в области психологической криминалистики.

Несмотря на то что по большей части нам доводилось слышать рассуждения о дедукции – от литературных героев Дюпена и Холмса до реального Брассела и многих из нас, – мы чаще имеем дело с индукцией, то есть по деталям преступления составляем обобщающую картину. Когда в 1977 году я приехал в Квонтико, инструкторы Научной психологической службы – такие, как один из ее пионеров Говард Тетен, – пытались применить идеи Брассела к реальным случаям, которые принесли в аудитории Национальной академии профессиональные полицейские. Но в то время все это выглядело анекдотичным и не подкреплялось реальными исследованиями. Так обстояли дела, когда я появился в ФБР.

Я уже говорил, насколько нам важно поставить себя на место неизвестного преступника и вжиться в образ его мыслей. Но исследования и опыт подсказали, что не менее важно – как бы ни было мучительно и больно – представить себя пострадавшим. Только твердо уяснив, каким образом реагировала на нападение жертва, можно представить себе поведение и реакцию агрессора. Чтобы изловить преступника, нужно взглянуть на преступление.

В начале 80-х годов из полицейского управления маленького городка сельской Джорджии ко мне попал волнующий случай. Симпатичная четырнадцатилетняя девочка, тамбур-мажор школьного оркестра, была похищена с остановки школьного автобуса всего в сотне ярдов от собственного дома. Через несколько дней ее полураздетое тело было обнаружено в десяти милях на лесной «тропинке любовников». Девочка оказалась изнасилованной, а причиной смерти явился сильный удар тупым предметом по голове. Рядом лежал измазанный в запекшейся крови камень. Прежде чем приступить к анализу, мне необходимо было собрать как можно больше сведений о жертве. Я выяснил, что хотя девочка была смышленной и при-

влекательной, но выглядела как раз на свои четырнадцать лет, а не на двадцать один год, как это иногда бывает с подростками. Все, кто ее знал, утверждали, что она не слыла кокеткой и не отличалась неразборчивостью в отношениях, не пила, не употребляла наркотики, с окружающими поддерживала теплые дружественные отношения. Вскрытие показало, что в момент нападения она сохраняла девственность.

Все эти сведения были для меня жизненно важными, потому что давали представление, как могла повести себя жертва во время похищения и после него и как в определенной ситуации реагировал на ее поведение преступник. Из них я заключил, что убийство явилось не спланированным, а спонтанным действием, вызванным извращенными, болезненными фантазиями, что девочка не зазывала насильника с распростертыми объятиями. Это подвело меня ближе к личности преступника. Мой портрет заставил полицию заняться неким субъектом, подозреваемым в совершении год назад изнасилования в соседнем большом городе. Понимание личности подозреваемого, который, как я и думал, уже проходил испытание на детекторе лжи, помогло мне разработать для полиции стратегию допросов. Об этом интереснейшем случае я расскажу подробно позднее, а пока достаточно заметить, что в итоге преступник признался в совершении обоих изнасилований и убийств, был осужден и, когда я об этом писал, уже покоился на кладбище в Джорджии.

Когда в Национальной Академии мы учим агентов ФБР и сотрудников правоохранительных органов элементам составления психологического портрета и анализу картины преступления, мы стараемся заставить их взглянуть на преступление в целом. Мой коллега Рой Хейзелвуд, до того как в 1993 году вышел в отставку, в течение нескольких лет преподавал основы составления психологического портрета. Обычно он выделял в анализе три основных вопроса и фазы: что? почему? кто?

Что произошло? Под этим он понимал все, что с поведенческой точки зрения, могло быть интересно в преступлении.

Почему и каким образом это произошло? Почему, например, после убийства изуродован труп жертвы? Почему не украдены ценности? Почему не осталось следов насильственного проникновения в дом? Каковы причины каждого значимого поведенческого фактора в преступлении?

Все это подводит к третьему вопросу: Кто мог совершить такое преступление? Выяснить это и составляет нашу задачу.

Глава 2

Фамилия моей матери – Холмс

Девичья фамилия моей матери была Холмс. И родители почти решили, что она станет моим вторым именем вместо более обыденного Эдвард. Оглядываясь назад, кроме этого я не припоминаю ничего, что бы предсказывало мою будущую профессию охотника за умами, или криминологического психолога.

Я родился в Нью-Йорке в Бруклине по соседству с Куинс. Мой отец Джек был печатником в «Бруклин игл». Когда мне исполнилось восемь лет, обеспокоенный разгулом преступлений, он перевез нас в Хэмпстед на Лонг-Айленд, где стал президентом профсоюза типографских рабочих. Сестра Арлена была старше меня на четыре года и могла служить образцовым примером – хорошо училась, занималась спортом.

Я же особыми успехами не блистал – довольствовался средними оценками, но своей воспитанностью и общительностью, несмотря на неказистую внешность, снискал симпатию у учителей Лудлумской начальной школы. Больше всего я любил животных и держал то собак, то кошек, то хомяков, то змей. Мать терпела мое увлечение, потому что я говорил, что собираюсь стать ветеринаром. И поскольку эта профессия давала все основания для успешной карьеры, поддерживала мой выбор. В школе я прослыл хорошим рассказчиком – это было единственное дело, которое давалось мне легко. И мой талант, вероятно, подтолкнул меня к сыскному делу. Ведь детективы и аналитики должны обладать способностью сложить разрозненные, неравнозначные и, на первый взгляд, не связанные друг с другом факты в стройный сюжет, особенно если речь идет об убийстве, когда жертва уже не имеет возможности все рассказать сама.

Часто мой талант выручал, когда я хотел увильнуть от работы. Когда ученики достигают одиннадцатилетнего возраста, в американской школе проводится серия тестов, завершаемых так называемым экзаменом «одиннадцать плюс», от которого во многом зависит дальнейшая академическая судьба. Помню, когда мне было одиннадцать лет, нам задали прочитать какой-нибудь роман и пересказать на занятиях. Но я поленился взять в руки книгу. И когда очередь дошла до меня (сам еще не веря, что на это способен), придумал название несуществующего романа, выдумал автора и начал рассказывать историю о собравшихся вокруг костра путешественниках. Я сочинял на ходу, а сам думал: как долго это может продолжаться. Напустил на несчастных путников медведя. Тот уже неслышно подкрадывался сзади и готов был броситься на людей – но в этот миг я прыснул, иссяк, замолчал и вынужден был признаться учителю, что выдумал все сам. Заговорившая совесть свидетельствовала о том, что я не был законченным преступником. Я переживал, что прослышу вруном, что завалю экзамен, что придется стыдиться перед своими одноклассниками, представлял, как расстроится мать.

Но, к моему удивлению и даже изумлению, учителю и ребятам рассказ понравился. И когда я признался, что придумал все сам, они дружно закричали:

– Доканчивай! Говори, что было дальше!

Я закончил историю и вышел из класса с отличной оценкой. Своим детям я долго не рассказывал об этом случае: не хотел, чтобы они считали, что вправе из проступка извлекать выгоду. Но для себя вынес, что идеи можно продавать. И если заинтересовать ими других, люди пойдут тебе навстречу. Этот талант помогал мне множество раз, когда приходилось в чем-то убеждать вышестоящих чиновников и офицеров местной полиции. Но должен признать, что до известной степени таким талантом обладают и пользуются многие аферисты и преступники.

Кстати, мои вымышленные путешественники благополучно спаслись – совершенно непредсказуемый конец, если принять во внимание мою горячую любовь к животным. Между тем я готовился к профессии ветеринара и три лета провел на молочной ферме по Корнелл-

ской программе для юношества, организованной ветеринарной университетской школой. Программа оказалась прекрасной возможностью для детей горожан выехать на природу, но за это удовольствие я работал по 70–80 часов в неделю всего за 15 долларов, в то время как оставшиеся дома одноклассники грелись на солнце на Джонс-Бич. До сих пор мне кажется, я не сильно расстроюсь, если мне в жизни больше не придется подоить ни одной коровы. Физический труд меня укрепил, и я обрел спортивную форму, а спорт был еще одним моим увлечением. В старших классах Хэмпстедской школы я был питчером бейсбольной команды и играл в полузащите в футбол. Вспоминая то время, я понимаю, что именно тогда во мне впервые пробудился интерес к психоанализу.

На питчерской горке до меня довольно быстро дошло, что сильно и точно посылать мяч – еще полдела. У меня была твердая рука и хороший крученный удар, но теми же качествами обладали многие мои одноклассники. Хитрость заключалась в том, чтобы вывести из равновесия отбивающего в «доме». Я достигал этого, напуская на себя уверенный вид, а его, наоборот, заставляя нервничать. Этот же принцип я замечательно использовал через много лет, разрабатывая методику допроса.

В старших классах мой рост уже составлял шесть футов и два дюйма (187.96 см. – *Прим. корр.*), и я старался использовать себе на пользу это обстоятельство. Азартные игроки, мы были посредственной командой в хорошей лиге, и я понимал, что именно питчеру следовало стать заводилой на поле и задать команде победный тон. Для школьника я обладал замечательным самообладанием, но решил, что бетсменам противника незачем об этом знать. Пусть считают меня безрассудным и непредсказуемым и не окапываются в «доме», опасаясь, что этот бешеный, который стоит в шестидесяти футах, может их напрочь снести, а то и того хуже.

Хэмпстед славился приличной футбольной командой, в которой при своих 188 фунтах веса я играл в линии полузащиты. И в этой игре я сразу понял значение психологического фактора. Мне удавалось справляться с игроками крупнее меня, если я орал, вопил и вообще вел себя как полоумный. Вскоре мою манеру переняли все защитники. Позже, когда я стал регулярно участвовать в судебных разбирательствах, где сумасшествием пользовались в качестве способа защиты, я уже из собственного опыта давно знал, что ненормальный на первый взгляд человек может прекрасно понимать, чего он добивается.

В 1962 году мы играли против Уантагской школы в чемпионате за звание лучшей школьной команды на Лонг-Айленде на приз Торпа (Торп, Джеймс Фрэнсис (1888–1953) – знаменитый американский атлет. – *Прим. ред.*). Каждый противник был тяжелее любого из нас фунтов на сорок, и все шансы были за то, что нас просто сметут, прежде чем мы доберемся до голевой линии. Тогда перед игрой мы разработали прием, который должен был запугать противника: выстроились в две линии и первый игрок одной налетел, буквально снес игрока другой. Все это сопровождалось всяческим валянием дурака и душераздирающими криками боли. По лицам уантагских футболистов мы заметили, что добились того, чего хотели – судя по всему, они про себя прикидывали: если эти шуты вытворяют такое друг с дружкой, бог знает чего можно ждать от них противнику.

На самом деле все было тщательно отрепетировано. Мы долго отработывали падения, чтобы не ушибиться, но произвести впечатление, что крепко ударились о землю. А выйдя на поле, так накалили атмосферу безумия, что показалось, будто нас всего на одну игру выпустили из сумасшедшего дома, куда нам предстоит вернуться после финального свистка. Счет все время был равным, но когда пыль на поле осела, мы выиграли 14:13 и завоевали приз Торпа за 1962 год. Мой первый опыт охраны порядка и составления настоящего психологического портрета пришел ко мне в восемнадцать лет, когда я получил работу вышибалы в баре хэмпстедского клуба «Гэзлайт ист». Я оказался настолько хорош в этой роли, что позже меня пригласили на эту же должность в «Серф-клуб» на Лонг-Бич. И в том и в другом месте моей основной обязанностью было не впускать юнцов, не достигших возраста, с которого офици-

ально разрешалось употребление спиртного, – то есть всех, кто был моложе меня, – и не позволять или пресекать неизбежные в барах драки.

Я должен был стоять в дверях и требовать документ у всех, чей возраст вызывал сомнение, а потом переспрашивать его владельца, чтобы сравнить ответ с указанной датой. Так обычно поступали все вышибалы, и любой входящий в бар был к этому готов. Вряд ли человек, пользующийся фальшивым удостоверением, мог оказаться настолько безалаберным, чтобы не удосужиться выучить проставленный в нем день своего рождения. Спрашивая, следовало смотреть входящему прямо в глаза. На некоторых, особенно на девушек, у которых в юном возрасте чувствительная совесть, это производило желаемый эффект. Но те, кто непременно хотел пройти, могли взять себя в руки и сыграть. Я же, изучая стоящую у входа группу подростков, незаметно осматривал задние ряды: как они готовятся к моим вопросам? Нервничают или нет? Не напряжены ли?

Разнимать драки оказалось делом более серьезным, и в нем я полагался на свой спортивный опыт. Если дерущиеся читали в моих глазах непредсказуемость, а я вел себя явно как чокнутый, то даже здоровые парни думали дважды, прежде чем со мною связываться. Им казалось, я настолько рехнулся, что не пекусь о собственной шкуре и от этого становлюсь вдвойне опасным противником. Лет через двадцать, занимаясь изучением серийных убийств, я пришел к выводу, что серийный убийца намного менее опасен, чем политический. Первый выбирает жертву по силам и долго готовится, чтобы не оказаться пойманным. Второй одержим желанием любой ценой, даже ценой собственной жизни, выполнить «миссию».

Еще одно важное соображение следует принимать во внимание, если хочешь, чтобы люди поверили в твою «чокнутость» и стали опасаться, как бы ты не выкинул чего-нибудь непредсказуемого: надо вести себя таким образом постоянно, а не только тогда, когда думаешь, что на тебя смотрят. В федеральной тюрьме в Марионе, штат Иллинойс, я опрашивал печально известного грабителя и угонщика самолета Гарри Трэпнелла, и тот похвастался, что может ввести в заблуждение любого тюремного психиатра, симулируя какое угодно психическое заболевание. Хитрость заключалась в том, что он притворялся постоянно, даже когда был один в своей камере. Тогда на допросах ему не приходилось соображать, что делать, и это его не выдавало. Я же задолго до того, как получил совет столь квалифицированного «эксперта», уже обладал некоторым инстинктом преступника.

Если не удавалось предотвратить драку угрозами, применяя свои любительские способности к психоанализу, я старался не дать ей вспыхнуть и разрастись. Пристально наблюдая за людьми, я вскоре обнаружил, что по позе, по поведению человека могу предсказать, что у него на уме и что он может выкинуть в следующий миг. И в случае угрозы или сомнения, используя элемент неожиданности, всегда вытаскивал потенциального драчуна из бара, прежде чем тот успевал сообразить, что с ним произошло. Я всегда утверждал, что большинство сексуальных маньяков и серийных насильников овладевают методами контроля над людьми и управления ими – теми же самыми, которым обучался я, но для иных целей.

После окончания средней школы я по-прежнему мечтал стать ветеринаром, но мои оценки оказались ниже тех, что требовались для поступления в Корнеллский университет. Максимум, на что я мог рассчитывать, был аналогичный курс в Монтане. И вот мальчик из Бруклина и с Лонг-Айленда отправляется в сердце страны Большого неба. Культурный шок, который мне пришлось там пережить, был огромен.

«Привет из Монтаны! – писал я в одном из первых писем домой. – Здесь мужчины – это мужчины, а овцы ужасно нервные». Монтана воплощала для меня все возможные стереотипы и клише западноамериканского приграничного образа жизни. И с этими мерками я, человек с Востока, предстал перед ее людьми. Я вступил в местное отделение общества «Сигма Фи-Эпсилон», которое состояло почти из одних местных ребят, и выделялся среди них, как оттопыренный из-за болячки большой палец. Нарочито носил черную шляпу, черный костюм и

черные: ботинки, отпустил длинные бачки, как у героя «Вестсайдской истории». Такими в то время представляли нью-йоркцев.

И я пользовался этим на полную катушку. На всякие общественные сборища местные жители одевались по-западному и танцевали тустеп, а я в последние несколько лет с религиозным обожанием смотрел все подряд телепередачи с Чабби Чекером и знал самые немислимые разновидности твиста. Сестра Арлена, которая на четыре года была старше меня, давно записала брата в свои постоянные партнеры по танцам, а я, в свою очередь, обучал все школьное общество. И теперь чувствовал себя миссионером, заехавшим в такую глушь, где никогда не слышали английского слова. Я и раньше не особенно славился успехами в занятиях, а теперь, из-за того что занимался чем угодно, только не учебой, стал получать оценки и вовсе ниже некуда. К тому времени я успел поработать вышибалой в барах Нью-Йорка, но в Монтане употребление спиртного разрешалось только с двадцати одного года, и это показалось мне настоящим унижением. Но, к сожалению, не остановило.

Мое первое столкновение с законом случилось, когда мы с приятелем по братству пригласили двух шикарных девиц, которых встретили возле дома для незамужних матерей. Они выглядели явно старше своего возраста. Мы остановились у бара, и я пошел покупать упаковку с шестью бутылками пива.

– Ну-ка, покажи ксиву! – потребовал бармен, и я показал фальшивую, но отлично сделанную карточку «Селектив сервис» (Специальное ведомство, созданное в 1940 г. с целью Призыва американцев на военную службу. Распущено администрацией Р. Никсона в начале 70-х гг. – *Прим. Ред.*). По своему опыту вышибалы я знал, каких ошибок и подвохов следовало опасаться при предъявлении фальшивых документов.

– Из Бруклина, да? – буркнул бармен, посмотрев на карточку. – Вы, бруклинцы, все там сукины дети.

Я что-то хмыкнул, все головы в баре повернулись в нашу сторону, и я понял, что у нас много свидетелей. На улице я повернул к стоянке и, попивая пивко, мы покатали дальше. Внезапно раздалась полицейская сирена.

– Вон из машины! – приказал остановивший нас коп.

Мы вылезли, и он принялся нас обыскивать. Даже тогда я понимал, что это незаконно, но рта не раскрывал и помалкивал. Когда полицейский наклонился, передо мной маячили рукоятка револьвера и полицейская дубинка. И на мгновение в голове мелькнула шальная мысль: схватить дубинку, огреть копа по голове, забрать револьвер и удрать. К счастью, я не поддался соблазну. Но понимая, что очередь вот вот дойдет до меня, потихоньку вытащил карточку из бумажника и пихнул в трусы. Нас всех четверых отвезли в участок и развели по кабинетам. И я изрядно трясся от страха, полагая, что снова начнут обыскивать.

– Скажи-ка, сынок, – обратился ко мне другой полицейский, – у тебя в баре спрашивали документы? Если нет, придется туда подъехать. С тем барменом у нас уже были проблемы.

– Там, откуда я приехал, мы не привыкли стучать на людей. С детства не приучены! – Я играл Джорджа Рафта, а сам думал: «Конечно, он спрашивал документы, и я показал фальшивую карточку». Тем временем липовая ксива соскользнула вниз и колола причинное место. Я понятия не имел, собираются ли нас для обыска раздевать, но постоянно помнил, что здесь у них, на границе, бог знает что на уме. Я быстро оценил положение и прикинулся больным: мол, скрутило живот – хочу в туалет.

Меня отпустили одного, без провожатого, но я вдоволь насмотрелся всяких фильмов и, войдя в дверь и взглянув на зеркало, испугался, что полицейские наблюдают за мной с его обратной стороны. Поэтому прижался к боковой стене и, запустив пятерню в штаны, выудил карточку. Согнулся над раковиной: если смотрят, пусть думают, что меня рвет. Заскочил в кабинку и спустил карточку «Селектив сервис» в унитаз. Из туалета я выходил намного увереннее. Все дело кончилось штрафом в сорок долларов и испытательным сроком. Другое столк-

новение с бозменской полицией произошло, когда я учился на втором курсе, и было серьезнее первого.

С тремя приятелями мы собрались на родео: двумя, как и я, с Востока, третьим – местным, из Монтаны. Поехали на «студебекере» 62-го года выпуска и опять прихватили в машину пивка. За рулем был малый из Бостона, я – справа, на переднем сиденье, а между нами устроился местный. Снег сыпал, точно небо прорвало. Короче, мы проскочили запрещающий знак и – можете представить – тут же напоролась на копа. В Монтане они меня просто преследовали. Обычно жалуются: когда полицейский нужен, его не дозовешься. Где-нибудь, может, и так.

Но только не в Монтане в 1965 году.

И этот придурок, мой приятель по братству, – я даже не сразу поверил, – вздумал не останавливаться! И полетел дальше с преследующим копом на хвосте.

Каждый раз, как мы сворачивали за угол и на секунду-другую исчезали с глаз полицейского, я швырял банки с пивом из машины. «Студебекер» несся вперед, и мы уже были недалеко от дома. И тут – бум-бум-бум – мы угодили в дорожную ловушку: полицейский, должно быть, сообщил по рации, что преследует нарушителей. Придурок-водитель стал объезжать ловушку справа по чьему-то газону, а я все время кричал:

– Остановись! Выпусти меня из машины!

Но он упрямо жал на газ. Автомобиль заносило – снег валил все сильнее. Позади нас вили сирены. Впереди показался перекресток, приятель затормозил, нас развернуло на 360 градусов, дверцы распахнулись, и меня выкинуло наружу. Зацепило дверь и еще какое-то время волочило задом по дороге.

Кто-то крикнул:

– Смываемся!

И мы побежали – все в разные стороны. Я оказался в переулке и, заметив у тротуара грузовичок-пикап, залез внутрь. Черную шляпу я выбросил на бегу. На мне была двусторонняя куртка, и для маскировки я вывернул ее наизнанку. А сам трясся, боясь взглянуть в запотевшее стекло. И все время думал: «Меня заметят, черт возьми, меня сейчас заметят». И еще я боялся, что с минуты на минуту вернутся хозяева грузовичка. Здесь, на границе, должно быть, у всех под рукой оружие. Наконец, решившись, я расчистил на запотевшем стекле крохотный кружок и выглянул наружу. У брошенной нами машины суетились полицейские: сверкали мигалки, рвались с поводков служебные собаки – короче, происходило все, что положено. И вдруг все они двинулись по переулку – фонари осветили пикап. Я чуть не обмочил штаны. Но меня не нашли – представьте себе, прошли мимо!

Я проскользнул в школу – там уже знали о происшедшем. Оказалось, что и оба парня с Востока сумели удрать, а местный, из Монтаны, попался. Его вывернули наизнанку, и он назвал имена. Когда за нами пришли, я заявил, что не сидел за рулем, что сам испугался и умолял товарища остановиться. Водителя из Бостона упекли в тюрьму и засадили на хлеб и воду в камеру даже без кровати, с одним матрасом, а мне опять невероятно повезло: я схлопотал штраф в сорок долларов и новый испытательный срок.

Но полицейские сообщили в школу и известили родителей, которые изрядно струхнули. Моя успеваемость лучше не стала – я скатился на одни тройки, а декламацию просто провалил, потому что ни разу не появился в классе – считал, что устная речь – мой дар божий. И я ничего не делал, чтобы выбраться из этого болота. К концу второго курса стало ясно, что мое приключение на диком Западе подходит к концу.

Может показаться, что от того периода у меня остались одни дурные воспоминания: жизнь состояла из неудач и срывов. В то время я и сам так думал. Вернувшись из колледжа домой, я не знал, куда спрятаться от глаз огорченных родителей. Особенно расстраивалась мать – она понимала, что ветеринаром мне не бывать. А я всякий раз, когда не знал куда себя деть, вспоминал о своих мускулах. Летом 1965, года нанялся телохранителем, а когда прибли-

зилась осень и я не вернулся в школу, устроился в клуб «Холиди инн». Вскоре после этого я познакомился с официанткой из коктейль-бара Сэнди – привлекательной молодой женщиной с маленьким сыном – и сразу почувствовал, что схожу по ней с ума. Работа привела меня в хорошую спортивную форму, и, кажется, я ей тоже понравился. Она же выглядела сногшибательно в своем маленьком платье для коктейля. В то время я жил с родителями. Сэнди постоянно звонила, и это злило отца:

– Кто это трезвонит тебе денно и ночью? – ворчал он. – И там без умолку плачет ребенок.

Пока я жил у родителей, шансов для встреч было мало. Но Сэнди сказала, что тот, кто работает в гостинице, может по дешевке снять незабронированный номер. Так однажды мы оказались с ней в комнате вдвоем.

Рано утром внезапно зазвонил телефон.

– Нет, нет! Я не хочу с ним разговаривать! – закричала в трубку Сэнди.

– Кто это был? – спросил я, едва разлепив веки.

– Портье. Сказал, что пришел мой муж и поднимается в номер.

Сон слетел с меня в одну секунду.

– Твой муж? Ты мне не говорила, что до сих пор замужем!

– Но и не говорила, что разведена, – возразила Сэнди и принялась объяснять, что они давно расстались.

Хорошенькое дельце, думал я, а по коридору уже грохотали шаги этого ненормального.

Он забарабанил в дверь:

– Сэнди, открывай! Я знаю, что ты там, Сэнди!

В номере было выходящее в коридор окно, которое закрывали стеклянные жалюзи. И он попытался отковырнуть створку. Я оглянулся: куда бы выпрыгнуть, и понял, что, хотя комната находилась на втором этаже, в оконный переплет мне никак не пролезть.

– Он носит с собой оружие?

– Иногда нож, – ответила Сэнди.

– Дьявольщина! Только этого не хватало. Пора выбираться отсюда. Открывай дверь!

Я встал в боксерскую стойку. Муж ворвался в номер и бросился прямо ко мне. Но, разглядев мой темный силуэт на фоне окна и догадавшись, что я достаточно крепок, кажется, передумал драться, однако продолжал вопить:

– Вон отсюда, сукин сын!

Я решил, что с меня довольно. К тому же было еще слишком рано, и ответ мой прозвучал очень вежливо:

– Сэр, я как раз собирался уходить.

Мне снова повезло – и из этой переделки я выбрался с целой шкурой. Но не мог отделаться от ощущения, что все в моей жизни летит к черту. Тогда же, проезжая на красном МГА своего друга Билла Тернера, я разбил переднюю ось СААБа отца. Как-то утром в субботу мать принесла письмо из «Селектив сервис», в котором говорилось, что со мной хотели бы встретиться. Я отправился на Уайт-холл-стрит в Манхэттене, где с тремя сотнями других парней прошел медицинскую комиссию для военной службы. Меня заставляли делать глубокие приседания, и было отчетливо слышно, как хрустит у меня в колене. От футбола у меня, как у Джо Намета, воспалился мениск, но у того адвокат, похоже, был получше. Решение было принято, и мне сообщили, что Дядя Сэм во мне нуждается. Не решившись испытывать судьбу в армии, я быстро подписал контракт с ВВС. Хотя это и означало четыре года службы, в авиации было гораздо больше возможностей для профессионального образования. Такие возможности мне ни за что бы не представились ни в Нью-Йорке, ни в Монтане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.